

В. Л. Бенин

Уфа

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: толерантность; образование; образовательные реформы; национальная безопасность

АННОТАЦИЯ: В статье поднимается проблема места образования в общей системе обеспечения национальной безопасности России, предлагается дефиниция образовательной безопасности, обосновывается необходимость учета социальных последствий крупномасштабных нововведений в системе образования в их влиянии на социальную стабильность и безопасность.

V. L. Benin

Ufa

TOLERANCE AND EDUCATION

KEY WORDS: tolerance; education; educational reforms; national security

ABSTRACT: The author of the article tries to define the place of education in the general system of national security of Russia and justifies the necessity of taking into account the social consequences of large-scale innovations in the system of education and their impact on social stability and national security.

События последней четверти века все настойчивее заставляют обращаться к проблеме толерантности в отношениях между людьми, странами, народами и конфессиями. В словарях происходящий от латинского слова «*tolerantia*» термин «толерантность» чаще всего толкуется либо как терпимость к разного рода взглядам, нормам поведения, привычкам, отличным от тех, которые разделяет субъект, либо шире – как открытость для любых идейных течений, отсутствие страха перед конкуренцией идей [4. С. 414]. Отсутствие такого рода терпимости способно стать весьма серьезным дестабилизирующим фактором для национальной безопасности любой страны, в том числе и России.

Интернет-источники следующим образом толкуют понятие толерантности. В широком смысле оно означает

терпимость к чужим мнениям и поступкам, способность относиться к ним без раздражения. В этом смысле толерантность является редкой чертой характера. Толерантный человек уважает убеждения других, не стараясь доказать свою исключительную правоту. В более узком смысле понятие «толерантность» используется в медицине. Здесь толерантность – это способность организма без потерь переносить негативные влияния внешней среды [6].

Пользуясь большой популярностью у современной молодежи энциклопедия «Википедия» выделяет пять смысловых значений данного понятия [7].

– Толерантность в социологии – терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям.

- Экологическая пластичность – способность организмов выносить отклонения факторов среды от оптимальных для них (экол.) Способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды.
- Иммунологическая толерантность – иммунологическое состояние организма, при котором он не способен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам. Проблема толерантности имеет значение при пересадке органов и тканей.
- Толерантность к лекарствам, наркотикам и психоактивным веществам – снижение реакции на повторяющееся введение вещества, привыкание организма, ввиду чего требуется все большая и большая доза для достижения присутствующему веществу эффекта. Также различают обратную толерантность – особое состояние при котором требуется меньшая доза для достижения заданного эффекта, и кросстолерантность – когда прием одного вещества повышает толерантность к приему других веществ (как правило из той же группы или класса).
- Толерантность – математическая модель для выражения представлений о сходстве (похожести, близости).

В нашем случае речь идет именно о социологическом понимании толерантности. Этим объясняется интерес к толкованию данного понятия еще одним электронным изданием – Онлайн Энциклопедией Кругосвет: «Толерантность, или терпимость, стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от преобладающего типа или не придерживаются общепринятых мнений. Толерантность – трудное и редкое достижение по той простой причине, что фундаментом сообщества является родовое

сознание. Мы объединяемся в одной общности с теми, кто разделяет наши убеждения, или с теми, кто разговаривает на том же языке или имеет ту же культуру, что и мы, или с теми, кто принадлежит к той же этнической группе. В сущности, общность языка и чувство этнической близости на всем протяжении человеческой истории выступают в качестве оснований сообщества. В то же время мы склонны враждебно или со страхом относиться к «другим» – тем, кто от нас отличается. Различие может иметь место на любом уровне биологической, культурной или политической реальности» [8].

Все современные нации, подчеркивается в том же источнике, в культурном, религиозном и политическом отношении более плюралистичны, чем традиционные сообщества, которые сохраняли свое единство за счет фундаментальных традиций в культуре или религии. Культурный и религиозный плюрализм, развившийся в западном мире, особенно среди англосаксов, вызвал к жизни толерантность, необходимую для установления общности в условиях плюрализма. Толерантность была, с одной стороны, необходимым побочным продуктом этого плюрализма, а с другой – условием его дальнейшего развития.

В настоящее время, правомерно отмечалось на Третьем Российском культурологическом конгрессе [10. С. 289], взамен историко-культурного определения категории «толерантность» как «терпимость», пришло социальное понимание толерантности. Данная категория достаточно широка и включает многообразие подходов: уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Также толерантность включает в себя обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма, демократии и правопорядка). Веду-

ший социальный институт, способствующий формированию менталитета толерантности, усвоению и присвоению норм толерантного поведения в российском обществе, является образование. Выполнение системой образования этой новой функции – формированию толерантности предполагает его коренную трансформацию. Принцип толерантности должен творчески применяться во всех социальных отношениях и, прежде всего, в образовательном процессе.

Но основы терпимости либо нетерпимости, агрессивности либо толерантности закладываются культурой. Образование же выступает механизмом межпоколенной трансляции культуры и рассматривается нами как важный фактор национальной и глобальной безопасности.

На первый взгляд, такая постановка вопроса может вызвать недоумение. Современное состояние исследований в области национальной безопасности главным образом ограничивается либо военно-стратегическими и экономическими аспектами, либо узко прикладными социологическими и психологическими разработками. Если же в данном контексте образование и упоминалось, то исключительно как военное образование. Показательно, что даже в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» упоминание о культурной безопасности отсутствует. В документе, основанном на идее «совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривластной, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экономической и других сферах» лишь подчеркивается, что «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, сохранение культурного достояния всех народов России...» [2].

Мы разделяем точку зрения, согласно которой «по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными» [9. С. 435], или, говоря в терминах нашей статьи, толерантными. Последние полтора десятилетия не только в публицистической, но и в научной литературе все громче раздаются голоса о кризисе российской культуры, о росте всех возможных форм нетерпимости, о падении уровня образования, о разрушении культурных основ народной жизни. Чаще всего это объясняется экономическими проблемами – нехваткой бюджетных средств, изношенностью материальной базы, отсутствием традиций спонсорства и меценатства. Но так ли это? Не ближе ли к истине стоял булгаковский профессор Преображенский, когда утверждал, что «разруха не в клозетах, а в головах»? Кризис культуры, а с ним и рост взаимной нетерпимости, и падение уровня образования, и разрушение культурных основ народной жизни всегда связаны с кризисом духовности. Когда же речь идет о проблеме духовности, логика с неизбежностью выводит нас на систему образования.

Если отступить от узкодидактической точки зрения, образование есть не что иное, как процесс трансляции культуры, а культура, в свою очередь, есть результат образования в широком смысле слова. В современных условиях система образования по сути дела осталась единственным институтом государства, формирующим духовные основы личности на фоне мощных и не всегда позитивных потоков информации, проникающей по каналам современных средств телекоммуникаций. Трудно спорить с утверждением Р. Г. Абдулатипова о том, что «во всем мире наблюдается пренебрежительное отношение к культуре, философии и логике, изгнание культуры, философии и логики из жизни

человека и общества. Тело не думает, тело не переживает, оно лишь потребляет и удовлетворяет свои прихоти без участия разума и совести. Философия духа изгоняется из тела» [1. С. 166]. Поэтому исследование культурных основ обеспечения толерантности следует начинать с системы образования.

В отечественной педагогике упоминание идущего от Дистервега принципа культуросообразности образования всегда считалось ритуально необходимым. Однако реальный исследовательский интерес к осмыслению соотношения культуры и образования начинается только в последнее десятилетие XX века. Собственно, необходимость широкого культурного кругозора теоретиками педагогики осознавалась всегда. Но традиционный для них подход укладывается в постулат «педагог должен быть культурным». При таком подходе культура и образование рассматриваются как автономные социальные сферы. Но, как известно, педагогика – это не только область научных исследований, связанных с воспитанием, обучением, образованием. Она представляет собой часть гуманитарного знания и одновременно выступает частью культуры. Иначе говоря, являясь частью культуры, педагогика, с одной стороны, служит воспроизводству и развитию культуры, с другой стороны, выступает базой сохранения или изменения традиционных культурных ценностей.

Из такого понимания вытекает, что в основе конкретных форм и методов профессиональной деятельности субъектов педагогического процесса всегда лежит определенный, исторически сформировавшийся социокультурный комплекс. Механизмы и закономерности функционирования этого социокультурного комплекса оказывают определяющее, хотя и не всегда прямое, воздействие на систему образования, задавая границы ее воспитательных и образовательных возможностей. Но

классическая педагогика эти механизмы, закономерности и границы не исследует. Их изучение лежит в русле культурологического анализа.

В рамках собственно дидактического анализа образование определяют как процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков. Не видеть сегодня ограниченности такого определения просто невозможно. Дело в том, что за последнее время дидактика ассимилировала методологический регулятив, согласно которому фундаментальные понятия теории не могут быть корректно определены в границах понятийного аппарата этой теории. Для такого определения необходимо выйти за границы этой понятийной системы [5. С. 16]. Иначе говоря, мы сталкиваемся со специфическим проявлением принципа Н. Бора: «нельзя на одном языке описать никакое сложное явление». Подобный вывод вполне согласуется с известной теоремой К. Геделя о принципиальной информационной неполноте формальных искусственных систем, к которым относятся любые формальные знания или информационные модели. Теорема гласит, что в рамках любой формальной системы можно составить предложения, истинность которых нельзя ни доказать ни опровергнуть средствами этой системы. Иными словами, абсолютная формализация предметной области в рамках одной парадигмы или научной теории принципиально невозможна. Выход из данного противоречия (с одновременным выходом за рамки традиционного педагогического понятийного аппарата) видится при помощи культурологического знания.

Глобализация образования с неизбежностью приводит к провозглашению, казалось бы, утверждающей толерантность идее общечеловеческих ценностей и объявлению их приоритетными. Но что такое «общечеловеческие ценности»? Каково содержание этого понятия? Многие современные мысли-

тели ставят под сомнение его значимость. В частности, директор Института философии РАН А. А. Гусейнов утверждает: нельзя принимать за чистую монету то, что именуется высшими ценностями, прокламируется в качестве предназначения культуры. Они не столько проясняют опыт культур, сколько, наоборот, затемняют его. Чаще всего они имеют демагогический смысл или являются самообманом. Как о человеке нельзя судить по тому, что он сам о себе думает, так общество нельзя воспринимать по тому, как оно себя понимает. Ведь и первобытные люди, как им казалось, жили ради чего-то высокого, они же искренне верили, например, в свое тотемное родство [3, С. 60]. С ним солидарен В. М. Межуев, который подчеркивает: если между культурами возникает конфликт, значит, они не равны. И далее им ставится вопрос: любая ли культура способна вести диалог? Толерантность как способность человека к диалогу в системе общечеловеческих ценностей рассматривается в качестве основы развития его личности. Но «диалог – чисто европейский способ общения. Первыми о диалоге заговорили греки. Я не уверен, что диалог возможен на Востоке. Восточные пророки и мудрецы не вступали между собой в диалог, все религии монологичны по своей сути. Даже православные пока не могут вступить в диалог со своими братьями во Христе – католиками и протестантами» [3, С. 37].

Понятие общечеловеческие ценности – понятие сугубо западноевропейское. Общечеловеческие ценности, казалось бы, неминуемо должны были сближать культуры всех стран и народов. Но нередко под общечеловеческими ценностями понимаются только гуманитарные ценности. На наш взгляд, это неверно и глубоко ошибочно. Культура представляет собой совокупность накопленного ассоциированным человеком социального опыта во всех сферах его жизнедеятельности. В основе

этой жизнедеятельности лежит предметно-практическое познание и преобразование мира и, следовательно, практические и естественнонаучные знания. Научные и практические знания выступают важным составным элементом общечеловеческих ценностей. Поэтому в современных условиях незнание, допустим, строения атома или элементарных основ гигиены столь же предосудительно, как и незнание Шекспира или Пушкина. Более того, думается, что в составе общечеловеческих ценностей элементы материальной культуры и естествознания доминируют. При всем величии и мировом значении творчества Шекспира, это все же английский автор. Это великое явление, прежде всего, английской драматургии и поэзии, как П. И. Чайковский – явление, прежде всего, русской музыкальной культуры. Но «украинской национальной разливки стали» нет и быть не может, как не может быть «башкирского национального крекинг-процесса».

Однако там, где культуры могут сблизиться через предметно-деятельностные основания, их все равно будут разделять ценностные основания культурно-идеологических систем. Поскольку сам смысл ценности человека в культурах разных народов читается по-разному. Проблема образования в России сегодня напрямую связана с тем, что его реформирование на основе приоритетов европейской традиции опережает формирование собственной культурно-национальной идеологии и приводит к разрыву между образованием и культурой, что и порождает глубинные причины кризиса российской системы образования.

Только такой подход позволяет ставить во главу угла человеческие интересы и человеческую значимость. Очевидно, что в основе всех конкретных форм культурной деятельности должны лежать такие ее направления, которые повышают видовую устойчивость человека. В сфере физической и

нравственной культуры – это обучение поддержанию и совершенствованию устойчивости организма на уровне совершенствования внутренней среды; в сфере экологической культуры – обучение поддержанию и совершенствованию благоприятных условий внешней среды; в сфере овладения практическими навыками – умение активно формировать благоприятные для жизнедеятельности

условия внешней и внутренней среды. И лишь когда названные направления жизнедеятельности, основанные на идее глобального выживания человека как вида, будут приняты и реализованы в общественной практике, тогда и будет осуществлено превращение толерантности из желаемой, в реальную форму существования человеческого сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулатипов, Р. Г. Воля к смерти (Философия кризиса глобального человека). – М.: Классика Стиль, 2007.
2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утверждена указом Президента Российской Федерации от 10 янв. 2000 г. №24. [Электронный ресурс] – URL: <http://2004.kremlin.ru/text/docs/2000/01/30843.shtml>.
3. Культурология как наука: за и против: «круглый стол», Москва, 13 февраля 2008 г. / науч. ред.: А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий; Санкт-Петербургский гуманитар. ун-т профсоюзов. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009.
4. Профессионально-педагогические понятия: Словарь / Под ред. Г. М. Романцева. – Екатеринбург: Изд-во Рос.гос. проф.-пед. ун-та, 2005.
5. Сенько, Ю. В. Гуманитарные основы педагогического образования. – М.: Академия, 2000.
6. Толерантность [Электронный ресурс]. – URL: [http:// narodznaet.ru/articles/chto-takoe-tolerantnost.html/](http://narodznaet.ru/articles/chto-takoe-tolerantnost.html/) (Дата обращения: 28.01.2012).
7. Толерантность [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>. (Дата обращения: 28.01.2012).
8. Толерантность [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/filosofiya/TOLERANT-NOST.html. (Дата обращения: 28.01.2012).
9. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов – М.: Академический проект, 2000.
10. Шутелева И.А. Потенциал правовых дисциплин в формировании компетенций этнокультурной толерантности и правового сознания как фактор культурной и образовательной безопасности России // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: Эйдос, 2010. – С.289.